

На правах рукописи

Захарова Евгения Юрьевна

**Мужские квартальные сообщества Тбилиси:
структура и функционирование**

Специальность 07.00.07 — Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2017

Диссертация выполнена в отделе этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Научный руководитель:	Кандидат исторических наук, профессор факультета антропологии АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», доцент факультета Свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета Утехин Илья Владимирович
Официальные оппоненты:	Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Громов Дмитрий Вячеславович Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела этнографии Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея Дмитриев Владимир Александрович
Ведущая организация:	Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Защита состоится 18 декабря 2017 года в 12:00 часов на заседании диссертационного совета 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан « » ноября 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
Кандидат исторических наук

М.Е. Резван

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В фокусе исследования находится «улица» как социализирующий институт в городской Грузии. В работе рассматривается внутренняя организация мужских квартальных уличных групп Тбилиси («бирж») в контексте их функционирования в грузинском обществе в начале XXI в. Особое внимание уделяется репутации как основному механизму организации уличной жизни.

Введение

Опыт государственного становления Грузии можно назвать одним из самых трагических на постсоветском пространстве: страна прошла через сепаратистские конфликты, пережила разрушительную гражданскую войну, за которой последовал период крайней экономической и политической нестабильности, когда государство находилось на грани дезинтеграции. После «Революции роз» и прихода к власти М. Саакашвили в стране начался период крупномасштабных и болезненных реформ.

Бурная политическая жизнь Грузии не могла не сопровождаться значительными и многообразными переменами в обществе. Одни социальные явления и элементы культуры поднимались на щит государственной идеологии, с другими объявлялась борьба. К числу последних относится тбилисская «улица».

Улица в современном грузинском обществе стоит в ряду таких социализирующих институтов как семья или школа. Подобно тому, как, например, в Советском Союзе в армии видели «школу для настоящих мужчин», в Грузии часто говорят об «академии улицы».

С середины 2000-х гг. «уличная академия» в Грузии стала предметом эмоциональных дискуссий о насилии в молодежной среде, подростковой преступности и распространении в обществе «воровского менталитета» как в средствах массовой информации, так и в частных разговорах. Улице придавалось значение передаточного звена между преступным (воровским) миром и подростками, иными словами – она представляла агентом социализации, который вводит молодого человека в криминальное сообщество¹.

Накал дискуссий в СМИ о подростковом насилии позволяет говорить о «моральной панике», которая нагнеталась в обществе в этот период властью, нуждавшейся в оправдании широкомасштабной кампании по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, где под последней понимался, прежде всего, воровской мир. С воровским миром в Грузии прочно ассоциировалась улица и вся система неформальных связей и теневой экономики, строящаяся на «понятиях», которая пронизывала грузинское общество и многие десятилетия придавала ему стабильность и видимость спокойствия. Соответственно, государством была провозглашена задача кардинальным образом изменить механизм поддержания порядка в обществе в целом и на улице, в частности.

Пристальное внимание к воровскому миру в Грузии объясняется особым положением, которое занимали воры в законе в грузинском обществе. Оно было обусловлено большим размахом развития в Грузии в 1960-80-е гг. теневой экономики, деятелям которой воры предоставляли защиту и посреднические услуги в их отношениях с коррумпированной властью². Отличительной чертой грузинских воров была их вписанность в «легальное» общество: воры занимались предоставлением населению услуг арбитража, пользовались уважением грузинской интеллигенции. Успех, влияние и «респектабельность» воров в законе в Грузии стали главными причинами того, что улица не просто восприняла «воровскую романтику» — увлеченные улицей подростки рассматривали воровскую карьеру как один из возможных, а часто и желанных жизненных сценариев.

¹ См., напр., bavshvebi kvekanashi, romelits modzaladeebis ekutvnit [Дети в стране, которая принадлежит насильникам]. «akhali 7 dge» [«Новые 7 дней»]. № 18, 11-18 maisi, 2007.

² Slade, G. Reorganizing crime: Mafia and anti-Mafia in post-Soviet Georgia. 1st edition. Clarendon studies in criminology. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 42-43.

Актуальность исследования

В мировой науке подавляющее число исследований, посвященных уличным группам, выполнено на материале городских гетто США социологами, криминологами, и несколько реже – антропологами. Несопоставимо меньше примеров изучения уличных групп на постсоветском материале. В отличие от уличных групп, исследуемых в США, грузинская улица не была этнически или социально маргинализована, до последних лет представляя легитимный институт мужской социализации. Таким образом, исследование на качественно ином материале расширяет представления о возможном спектре вариаций форм и контекстов функционирования уличных групп. Хронологический период, избранный для рассмотрения, также обуславливает актуальность исследования, поскольку именно в эпоху масштабных реформ правительства М. Саакашвили, важная часть которых была направлена непосредственно на объект исследования - грузинскую улицу, - последняя претерпевала драматические изменения.

Социальная актуальность исследования обусловлена тем, что оно формирует знание о скрытых аспектах политической жизни Грузии, доступных только полевому исследованию. Работа существенно расширяет представления о социальной жизни столицы страны, общественные и культурные связи России с которой насчитывают столетия, и интерес к которой сейчас растет. Изучение мужских уличных групп приобретает актуальность для российского общества также в свете публикации в течение текущего года материалов в СМИ о появлении и развитии в России молодежного движения АУЕ («Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство»), в котором видят новую форму молодежных банд с криминальной идеологией. В этом контексте настоящее исследование приобретает значение производства актуального знания об условиях появления, особенностях функционирования, внутренней организации уличных сообществ на постсоветском пространстве и характера их взаимоотношений с криминальным миром.

Также как и в Грузии, в российском обществе в 1990-е гг. сфера применения уличных «понятий» (уличного кодекса) выходила за пределы уличной культуры, отголоски чего можно встретить до сих пор, однако этнографические описания российских «понятий» немногочисленны и фрагментарны. Обращение к близким реалиям на грузинском материале отчасти может восполнить этот пробел.

Исследование актуально как академический анализ важнейших для политической и общественной жизни Грузии социальных процессов времени президентства Саакашвили – периода, осмысление которого, во многом, задача будущего. Поскольку в настоящее время социальная значимость улицы в Грузии не утрачена, работа имеет для грузинского общества не только исторический интерес.

Основные понятия

В настоящем исследовании под улицей понимается характерное для Тбилиси и других крупных городов Грузии специфическое дискурсивное и нормативно-правовое пространство, а также пространство практик. Одновременно об улице можно говорить как об институте мужской социализации³. Социальное измерение улицы — это городские кварталы – соседские сообщества, для наименования которых используется грузинское слово «убани».

Наиболее важный, материализованный и локализованный во времени и пространстве социальный элемент улицы представляют квартальные «биржи». Используя закрепившийся в антропологии термин, введенный У. Ф. Уайтом, биржи можно классифицировать как *street-corner society* (сообщества на углу улицы)⁴. Под биржами в работе понимаются принадлежащие соседскому сообществу квартала мужские уличные группы

³ Lauger R.T. Violent Stories. Personal Narratives, Street Socialization, and the Negotiation of Street Culture Among Street-Oriented Youth. *Criminal Justice Review*, Vol. 39, Issue 2, 2014. P. 182 – 200.

⁴ Whyte W.F. *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum*. Chicago: University of Chicago Press, 1943.

сверстников, взаимодействие участников которых происходит преимущественно в публичном пространстве этого квартала.

Объектом настоящего исследования избрана «уличная» культура Тбилиси, а именно мужские квартальные сообщества как ее основное социальное измерение. **Предметом** исследования являются мужские квартальные сообщества как социальный институт, его структура и функционирование.

Цель исследования - показать структуру и механизмы функционирования мужских квартальных уличных групп Тбилиси в контексте той роли, которую этот социальный институт выполняет в грузинском городском обществе.

Задачи работы, перечисленные в порядке их решения в тексте, включают: 1) рассмотрение тбилисских бирж как элемента соседских сообществ; 2) определение возрастной и статусной структуры уличных групп; 3) выявление и анализ репутационных механизмов организации уличных групп; 4) рассмотрение отношений искусственного родства как одного из измерений организации уличных групп; 5) оценка роли улицы как биографического этапа; 6) установление и описание взаимосвязей квартальных бирж и уличной культуры с воровским миром⁵ и тюремной культурой; 7) рассмотрение прагматики функционирования уличного кодекса как системы правил; 8) определение влияния уличной культуры на правосознание тбилисцев; 9) выявление механизмов использования бирж официальной властью и оппозицией в политических процессах периода президентства М. Саакашвили; 10) определение характера трансформации тбилисской улицы под влиянием политики «нулевой толерантности», осуществлявшейся по инициативе М. Саакашвили.

Хронологические рамки исследования

Настоящее исследование охватывает период, отмеченный временем второго срока президентства Э. Шеварднадзе — 2000-2003 гг., «Революцией роз» в Грузии (2003 г.) и временем президентства М. Саакашвили (с 2004 г.) вплоть до парламентских выборов, на которых президентская партия Единое национальное движение потерпела поражение (2012 г.). Нижняя граница этого периода определяется временем вовлеченности в уличную жизнь основной группы информантов, родившихся в середине 1980-х гг., а верхняя — последним полевым выездом в Тбилиси осенью 2012 года. Таким образом, настоящее исследование фокусируется преимущественно на периоде пребывания у власти Единого национального движения, партии М. Саакашвили, поскольку именно это время отмечено реформаторскими инициативами, направленными, в том числе, и на улицу как на социальный институт и приведшими к его трансформации. Использование в настоящей работе материалов, относящихся к предшествующему периоду, 1970-1990-м годам, дает возможность составить представление об организации этого института до начала кампании «нулевой толерантности» и основных вехах его прослеживаемой по данным устной истории эволюции.

Степень изученности темы

История изучения молодежных уличных групп (под данным термином здесь подразумевается весь диапазон уровней организации уличных групп от досуговых дворовых компаний до уличных группировок) насчитывает почти столетие, достаточное время для складывания богатой историографической традиции⁶. В ней условно можно выделить два преобладающих направления: социолого-антропологическое и криминологическое. Как объект антропологического исследования молодежные уличные группы рассматри-

⁵ Под «воровским миром» здесь и далее понимается сеть, объединяющая прошедших ритуал воровской коронации (в грузинском эквиваленте – воровского крещения) и носителей статусов, предвещающих прохождение этого ритуала.

⁶ Важный пример раннего исследования уличных групп представляет работа Фредерика Трэшера: Thrasher, F. *The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press, 1927.

ваются в рамках городской антропологии⁷, значительная часть работ принадлежит антропологии насилия⁸ и гендерным исследованиям⁹. Работы криминологического направления характеризуются междисциплинарным подходом, объединяющим социологию, психологию и право, и в основном сосредотачиваются на выявлении причин и предпосылок подростковой преступности, а также поисках возможных способов ее предотвращения¹⁰.

Большое, а возможно и подавляющее число исследований в области изучения молодежных уличных групп принадлежит американским исследователям, которые сосредотачивались на изучении соседских сообществ городов США. Еще одна заметная традиция в исследовании уличных групп – британская, первоначальным фокусом которой стали субкультуры, рассматривавшиеся как форма классового сопротивления¹¹.

Российские исследователи криминологической парадигмы преимущественно сосредотачивают свое внимание на более широком предмете, определяемом ими как «организованная преступность», обращение к уличным группам в этих исследованиях либо эпизодическое, либо отсутствует¹², хотя существует определенное число исследований, посвященных молодежной преступности¹³. В конце XX – начале XXI вв. появляется ряд исследований молодежных уличных групп в СССР и на постсоветском пространстве, выполненных на социально-антропологических позициях, большинство из них проводилось в крупных городах – Казани¹⁴, Москве¹⁵, Улан-Удэ¹⁶, Бишкеке¹⁷ и др.

На грузинском материале основано всего одно крупное исследование, автор которого обращается к теме уличных сообществ, – работа Яна Келера, посвященная неформальной организации насилия и права в Грузии позднесоветского периода и первого постсоветского десятилетия¹⁸. Улица рассматривается в этой работе наряду с другими

⁷ Venkatesh, S. A., and Levitt S. D. “Are we a family or a business?” History and Disjuncture in the Urban American Street Gang. *Theory and Society*. 2000. 29(4). P. 427–462; Anderson E. *Code of the street. Decency, violence and the moral life of the inner city*. NY: W.W. Norton, 1999.

⁸ Salagaev A., Shashkin A. *Violence and Victimization on the Street: Power Struggle and Masculine Hierarchies in Russia // Masculinities and Violence in Youth Micro Cultures*. Edited by Hoikkala T., Suurpaa L. Helsinki: Finnish Youth Research Network, 2003. P. 13–47; Koehler, J. *Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien*. Münster: LIT Verlag, 2000.

⁹ Шашкин А.Л., Салагаев А.В. Уличная маскулинность: Насилие и виктимизация // *Наслаждение быть мужчиной: Западные теории маскулинности и постсоветские практики / Под ред. Ш. Берд, С. Жеребкина*. СПб.: Алетейя, 2008. С. 251–263; Driessen H., *Male Sociability and Rituals of Masculinity in Rural Andalusia*, *Anthropological Quarterly*, Vol. 56, No. 3 (Jul., 1983). P. 125-133.

¹⁰ Sampson, R.J., Graif, C. *Neighborhood Social Capital as Differential Social Organization: Resident and Leadership Dimensions*. *American Behavioral Scientist*, 2009, 52(11). P. 1579-1605; Kornhauser R. *Social Sources of Delinquency: An Appraisal of Analytic Models*. University of Chicago Press, 1978; Klein, M. W. *Street gangs and street workers*. Englewood Cliffs, N.J: Prentice-Hall, 1971.

¹¹ Hallsworth S. *The Gang and Beyond: Interpreting Violent Street Worlds*. Springer, 2013; Pitts, J. *Reluctant Gangsters*. Cullompton: Willan Publishing, 2008.

¹² Александров Ю.К. *Очерки криминальной субкультуры*. М.: Права человека, 2001; Гуров А.И. *Профессиональная преступность: прошлое и современность*. М.: Юридическая литература, 1990.

¹³ Пирожков В. Ф.; *Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура)*. Тверь: Приз, 1994; Прозументов Л.М. *Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение*. Томск: Издательство Томского университета, 1993.

¹⁴ Стивенсон С. Казанский левиафан // *Отечественные записки*, № 6, 2006; Салагаев А.Л., Шашкин А.В. «Развод» по-казански: гендерные особенности виктимизации девушек членами молодежных преступных группировок // *Мальчики и девочки: реалии социализации*. Сборник статей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. С. 104-118.

¹⁵ Stephenson, S. *The Violent Practices of Youth: Territorial Groups in Moscow*. *Europe-Asia Studies* 64 (1): 2012. P. 69–90.

¹⁶ Карбаинов Н.И. «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) // *Вестник Евразии*, 2004, № 2. С. 170-183.

¹⁷ Nasritdinov, E., and Schröder Ph. *From Frunze to Bishkek: Soviet territorial youth formations and their decline in the 1990s and 2000s*. *Central Asian Affairs* 2016, 3. P. 1-28.

¹⁸ Koehler, J. *Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien*. Münster: LIT Verlag, 2000.

социальными институтами. Келер показывает, что модели определения, организации, и, в конечном итоге, сдерживания насилия напрямую соотносились с неформальными институтами, которые уже существовали помимо официальных структур, хотя их применение при регулировании потенциальных и актуальных насильственных конфликтов преимущественно оставалось скрытым за очевидной монополией государственных институтов. Наблюдая «школу улицы» в момент государственной дезорганизации начала 1990-х годов, Я. Келер считает, что она оказалась неспособной противостоять комодификации и формированию рынка насилия. Он заключает, что неспособность «школы улицы» интегрировать возможность факта убийства в процесс регулирования и разрешения конфликтов привела к ее дискредитации и, в конечном счете, к крушению.

В 2015 году вышла статья итальянской исследовательницы Констанцы Курро, которая также обратила свое внимание на тбилисские биржи.¹⁹ К. Курро пишет о тбилисской бирже как об одном из ракурсов, под которым можно рассматривать вопрос о публичном пространстве в грузинском обществе. К. Курро делает вывод, что в Грузии биржи являлись способом присвоения публичного пространства в обход официальных парадигм и нарративов об образе города.

Теоретико-методологическая база исследования

Диссертационное исследование опирается на качественную методологию (количественные данные присутствуют в тексте только как цитирование других исследований). Понимание качественного метода в работе тяготеет к пониманию культурного анализа, предложенному Клиффордом Гирцем. Согласно К. Гирцу цель антропологического анализа состоит в установлении «значений, которые имеют определенные социальные действия для самих действующих лиц», и «констатации, как можно более развернутой, того, что дает нам почерпнутое таким образом знание об обществе, в котором оно почерпнуто, и об общественной жизни в целом²⁰». Вслед за К. Гирцем основной задачей производимых в исследовании интерпретаций представляется вскрытие «неформальной логики реальной жизни»²¹.

В исследовании применяется антропологический подход к изучению мужских квартальных сообществ, которые рассматриваются как социальный и социализирующий институт в городской Грузии. В рамках антропологического метода основным предметом анализа становится внутренняя организация улицы и ее взаимосвязи с обществом, к которому она принадлежит.

В качественных исследованиях закрытых уличных сообществ, как правило, применяется метод включенного наблюдения, когда исследователь присутствует в жизни сообщества и играет в нем ту или иную роль, интервьюирование используется как дополнительный метод сбора данных. По причине ограничений, связанных с ролью женщины в «мужском» поле, спецификой политической ситуации в Грузии в период проведения полевой работы и отсутствия возможности совершить длительный (один год и более) полевой выезд, интервьюирование стало основным методом в исследовании, важную роль в котором играет описание практик. Настоящий диссертационный труд можно назвать методологическим экспериментом, поскольку помимо решения основных целей и задач, он демонстрирует возможности применения нестандартного для предмета исследования методологического инструмента — интервьюирования. Такая работа требует от исследователя принятия объективных ограничений и обостренного внимания к вопросу критики источника.

Как интервьюеру исследователю пришлось столкнуться с ярким примером наивной социологизации изучаемого явления, а именно с порождением и воспроизводством

¹⁹ Curro C. Davabirzhaot! Conflicting claims on public space in Tbilisi between transparency and opaqueness. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2015. Vol. 35 Issue: 7/8. P. 497-512.

²⁰ Geertz C. *The interpretation of culture*. N.Y.: Basic books, 1973. — Ch. 1. P. 3–30. http://anthro.org.narod.ru/files/Geertz_Thick_descriptions.pdf [12.09.2017].

²¹ Гирц К. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 25.

следующих уровней фольклорного знания об обществе – дескриптивного знания или знания о фактах, «положении дел», «событиях»; нормативного знания о «должном», «правильном», «справедливом» и т.д.; и объяснительного знания – «имплицитными» теориями общества, знанием о взаимосвязях, причинах социальных процессов²². Этого типа знания, являющегося объектом изучения когнитивной социологии, было недостаточно исследователю, изучающему практики, поэтому важной и непростой задачей при интервьюировании было побудить собеседников опираться на их индивидуальный опыт. С этой целью использовались следующие приемы: привязка вопросов к фрагментам предполагаемого личного опыта собеседников, использование при формулировке вопросов подробностей, полученных в предыдущих интервью. При интерпретации полученного материала исключительное значение приобрела верификация с помощью данных других интервью. Вместе с тем, материал о желаемом или нормативном образе улицы также играет важную роль в исследовании.

Источниковая база исследования

Основной источник исследования – полевые материалы (расшифровки интервью и фиксировавшиеся в дневнике наблюдения), собранные в 2007 — 2012 гг. Несколько небольших пилотных, а также уточняющих интервью в процессе работы над текстом были проведены по переписке. В ходе полевых исследований проводились полуструктурированные и т.н. этнографические интервью, когда исследователь участвует в естественным образом возникшем обсуждении; всего проведено более ста интервью.

Все интервью (за исключением четырех) проводились на грузинском языке.

Поиск собеседников осуществлялся по принципу цепной выборки. Две трети интервьюируемых составили молодые мужчины 18 — 25 лет, для которых «уличный» этап жизни - недавнее прошлое, около трети — мужчины 30 — 70 лет. Несколько интервью было проведено с женщинами (разных возрастов) и молодыми девушками.

Благодаря жизни автора в тбилисской семье наблюдению были доступны внутри- и околосемейные взаимодействия (включенное наблюдение), в которых фигурировал фактор улицы; объектом наблюдения стали также уличные взаимодействия (стороннее наблюдение).

В исследовании достаточно широко используется также анализ документов — грузиноязычные материалы Интернет-форумов, материалы грузинских СМИ. Ценным оказалось обращение к художественным произведениям последних десятилетий, в которых затрагивается тема «уличной жизни» — литературе и фильмам.

Научная новизна результатов исследования

Несмотря на то, что, как и большинство исследований, настоящая работа не претендует на первенство научного внимания к избранному объекту, в данном случае – к тбилисской уличной культуре, это первое исследование, сосредотачивающееся на ней как на единственном объекте изучения. Впервые рассматривается локальный контекст функционирования мужских уличных групп и ставится задача этнографического рассмотрения их внутренней организации, в том числе с точки зрения искусственного родства как одного из ее измерений. Прерогативой данного исследования также является сосредоточение на репутационных механизмах организации уличных сообществ. Новым не только для исследований на грузинском материале, но и для исследований улицы на постсоветском пространстве является этнографическое описание прагматики уличного кодекса, совмещенное с его анализом, для которого использовалась теоретическая рамка дискуссии о правилах. К научной новизне исследования относится выбор хронологического периода – эпохи реформ М. Саакашвили. Это время было отмечено масштабными политическими инициативами, прямо затронувшими объект изучения – квартальные биржи, и в результате обусловившими постановку вопроса о его трансформации. В на-

²² Катерный И. В. Народная социология: 3-й Ядовский академический семинар // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 148.

стоящем исследовании впервые рассматривается реакция участников уличных сообществ на эти реформы, использование уличного ресурса политическими игроками периода пребывания у власти Единого национального движения, а также типы политических событий, в которых была задействована улица.

Кроме того, в научный оборот вводится большой объем собственных полевых материалов автора.

Основные положения, выносимые на защиту:

- В грузинском городском обществе уличная социализация представляла собой одобряемый и обязательный для мужчины биографический этап с предписанными моментами его начала и окончания.

- Основной механизм формирования и функционирования уличных солидарностей – принцип общей репутации. Согласно этому принципу честь и репутация индивида находятся в прямой зависимости от репутации членов родственных, соседских, дружеских групп, к которым он принадлежит, а также от коллективной репутации этих групп как общностей.

- Структура тбилисских бирж определяется возрастной и статусной иерархией. Дополнительное ее измерение представляют узы искусственного родства.

- Уличный кодекс являет собой одновременно интерпретативное и предписывающее средство, но его предписания используются стратегически. Моральный авторитет кодекса позволяет использовать его как для оправдания тех или иных действий, так и для побуждения к ним.

- Вплоть до эпохи президентства М. Саакашвили грузинская улица организационным, правовым, экономическим и этическим образом была связана с воровским миром.

- Уличные представления о мужестве и достоинстве определили особенности правосознания широких слоев населения Тбилиси.

- В результате реформаторских усилий государства улица утратила значение привлекательной экономической и жизненной стратегии, многие молодые люди перестали видеть смысл во вложении сил в уличные статусы. С уличным кодексом начинают конкурировать другие ценности – религиозные и патриотические.

Теоретическая значимость работы

Опираясь на антропологический метод и рассматривая изучаемый предмет на уровне повседневных практик и эмных концепций, исследование уходит от предложенного в рамках теории социальной дезорганизации объяснения феномена склонных к насилию уличных групп разрывом социальных связей в сообществе, а также от утверждения об антагонизме между соседскими сообществами и функционирующими в их рамках уличными группами и трактует последние как продолжение или функцию соседских сообществ²³. Рассмотрение прагматики грузинского уличного кодекса с использованием совмещения этнографического и этнометодологического подходов к изучению кодексов поведения вносит эмпирический вклад в дискуссию о правилах²⁴. Теоретическая значимость исследования обусловлена также его сосредоточением на микродинамике изучаемых явлений, сочетающимся с вниманием к их историческому и социально-политическому контексту. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении локальных уличных групп на другом эмпирическом материале, в исследованиях молодежных культур, кодексов поведения, а также в исследованиях в области антропологии государства. **Практическая значимость исследования**

²³ Cp. Kornhauser R. Social Sources of Delinquency: An Appraisal of Analytic Models. University of Chicago Press, 1978. P. 21.

²⁴ Волков В. В. «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал, 1998. № 3-4. С. 13-26.

Текст диссертации может быть использован при подготовке лекционных курсов, семинаров, учебных пособий по молодежным культурам, городской антропологии, антропологии права. Материалы диссертации уже были использованы автором при подготовке лекции для студентов Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова в рамках школы, организованной совместно СОГУ и Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Одна из статей автора, опубликованная по результатам исследования, была включена в список рекомендованной литературы к курсу «Youth Communities in the City: Analytical Approaches», прочитанному весной 2015 г. на факультете антропологии ЕУСПб профессором London Metropolitan University Светланой Стивенсон.

Опыт и результаты исследования предоставляют инструменты, позволяющие критически оценивать материалы масс-медиа о молодежных уличных группах, отличать действительно имеющие место явления и процессы от проявлений моральных паник в обществе, давать рекомендации специалистам-практикам, которые работают с уличными молодежными группами. В частности, результаты исследования были использованы при подготовке экспертизы для Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга в рамках Программы гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге за 2011 — 2015 гг.

Апробация и степень достоверности исследования

Достоверность исследования подтверждается использованием источников разного типа, постановкой научных результатов в контекст уже выполненных исследований в той же области. Утверждения и выводы работы опираются на приведенный полевой материал.

Основные результаты исследования были отражены в докладах, представленных автором на следующих научных мероприятиях: «Радловские чтения» (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2008, 2017), «Лавровские среднеазиатско-кавказские чтения» (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2009-2017), «Антропология города: молодежные аспекты» (Институт этнологии и антропологии РАН, декабрь 2014, Москва), международный семинар «Frontiers of Identity. Assessing the Risks of Modernisation and Globalisation in the Caucasus» (Гентский университет, апрель 2012, Гент, Бельгия), симпозиум «Perceptions of the State and Legal Practice in the Caucasus. Anthropological Perspectives on Law and Politics» (Philipps-University Marburg and Shota Rustaveli State University (Batumi), ноябрь 2011, Батуми, Грузия), международная конференция 11th EASA Biennial Conference «Crisis and imagination» (август 2010, Майнуг, Ирландия), международная конференция «Urban Spaces: Caucasian Places: Transformations in Capital Cities» (Humboldt University Berlin and Ivane Javakishvili State University, сентябрь 2009, Тбилиси, Грузия).

Кроме того, фрагменты диссертации обсуждались на исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2007-2013 гг.), на семинаре отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН «Кавказ: перекресток культур» (сентябрь 2013 г.).

Структура диссертации

Работа состоит из раздела «Введение», четырех глав, заключения, списков источников и использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается краткий исторический экскурс, необходимый, чтобы получить представление об объекте исследования, обосновывается актуальность темы, определяются предмет, объект, цель и задачи исследования, вводятся ключевые понятия, описывается круг источников, приводится историографический раздел.

В первой главе «Биржи в локальном контексте. Квартал и городская среда» рассматривается локальный контекст функционирования тбилисских мужских уличных групп (бирж).

В параграфе 1.1 вводится понятие «убани», квартал, которое определяется как человеческий коллектив, скрепленный не только общностью территории проживания, но и идеей об общности интересов, взаимной поддержке и контроле, а также общей локальной идентичностью. В разделе описывается городская среда Тбилиси – даются примеры районов города, которые характеризуются по типу застройки и истории формирования.

В параграфе 1.2 приводится описание убанской социальной среды с точки зрения параметров «открытости-закрытости», «опасности-безопасности».

В параграфе 1.3 разбирается случай включенного наблюдения в одном из тбилисских кварталов, на примере которого выделяются площадки соседской коммуникации – убанские магазины, салоны красоты, биржи. Соседское общение составляет значительную часть ежедневных рутинных взаимодействий тбилисцев независимо от характеристик квартала. Эти взаимодействия не анонимизированы, персонификация отношений обеспечивает более высокий уровень доверия между соседями, а также представителями мелкого бизнеса в убани, что позволяет более свободно оказывать и принимать услуги внутри соседского сообщества, которое начинает выступать как полезный ресурс. Убанские биржи – важный центр соседского взаимодействия, одно из наиболее зримых проявлений соседского сообщества в действии; одновременно они представляют социальный срез квартала. Принадлежность к бирже в убани – знак принадлежности городскому социуму, признак горожанина в глазах других горожан, принадлежащих той или иной бирже. Границы тбилисских убани корректировались с позиций мужской уличной культуры, именно в ее рамках они актуализировались и именно для ее носителей были наиболее релевантны.

В параграфе 1.4 рассматривается место и функция бирж как части соседских сообществ городских кварталов. Биржевики считали себя вправе осуществлять в соседском сообществе социальный контроль и могли выступать своеобразной «полицией нравов» для его членов (в частности – контролировать честь женщин). Время от времени биржевики действовали как «народная милиция», реагируя на агрессивные действия извне, а взамен получали лояльность со стороны сообщества. Соседство биржевиков иногда становилось обременительным для жителей квартала, поскольку, обладая силовым ресурсом, они могли использовать его и против членов соседского сообщества или навязывать мелкому бизнесу в убани свое «покровительство». Тем не менее биржи были неизбежной и нормальной составляющей портрета убани в глазах его жителей, старшее поколение видело в них не только беспокойную или беспокоящую молодежь, но также детей и внуков своих соседей.

Наличие активных и сплоченных убанских бирж информанты связывают со степенью интенсивности и близости соседских отношений. Однако, как показывают исследования на другом материале²⁵ и пример самого Тбилиси, подобные квартальные группы возникают и там, где сплоченность локального сообщества невелика, бедность или тип застройки также не являются достаточными условиями возникновения и функционирования уличных групп. Можно говорить, что феномен мужских уличных групп обуславливает комбинация перечисленных факторов, и ни один из них в отдельности не может быть необходимым и достаточным условием их возникновения и функционирования. В числе условий, благоприятствующих существованию активных уличных групп, прежде всего, следует назвать бедность и отсутствие перспектив для молодежи, отчужденность от государства, слабость его институтов и высокую степень сплоченности локального сообщества.

Параграф 1.5 посвящен вопросу межубанской конфликтности. Чужой убани – территория, где у его жителей за спиной местный силовой ресурс, поэтому при любой личной стычке противник будет иметь, как минимум, преимущество во времени, он бы-

²⁵ См., напр., Stephenson, S. The Violent Practices of Youth: Territorial Groups in Moscow. *Europe-Asia Studies* 64 (1): 2012. P. 69–90.

стрее мобилизует и приведет «своих». Чем плотнее связи, чем определеннее социальные позиции, тем менее конфликтна среда, тем меньшими средствами можно снять противоречия. Солидарность биржевиков распространялась не только на членов реального локального сообщества, члены которого были объединены знакомством и реальными взаимоотношениями, но и на воображаемые сообщества жителей более крупных городских районов, вмещающих несколько убани. Такой локальный патриотизм потенциально мог быть удобным инструментом мобилизации широких масс.

Во второй главе «Репутация как цель и средство» большое внимание к репутации рассматривается как основополагающий фактор уличной социализации подростка, определения его места в статусной и возрастной иерархиях уличного сообщества квартала, которое происходит, в том числе, в рамках таких практик, как уличная дружба и ставки на уличном тотализаторе.

В параграфе 2.1 рассматривается вхождение мальчика в биржевое сообщество убани, роль семьи и школы в уличной социализации подростка. Педагогическая позиция семьи по отношению к уличной жизни подростка определяется тем, что родственники (как мужчины, так и женщины) осведомлены об уличных иерархиях и кодексе, воспринимают улицу как нормальный и неизбежный этап взросления подростка и пытаются содействовать тому, чтобы он прошел этот этап с наибольшим успехом или с наименьшими потерями. Соответственно, от самого подростка родственники зачастую ждут готовности к агрессивному поведению, которое, по их мнению, будет способствовать успешному прохождению «академии улицы». Именно убани, а не школа, является ареной для статусных завоеваний, которые впоследствии признаются школьным сообществом и накладываются на него.

В параграфе 2.2 анализируется система уличных статусов и признаков носителей этих статусов, которая позволяет реконструировать идеал грузинской улицы – *dzvelbichoba*²⁶. *Dzvelbichoba* воплощает справедливость, верность обязательствам перед сообществом равных по статусу, неподчинение внешнему принуждению (в частности – со стороны государственных институтов), обостренное чувство достоинства, самоконтроль, традиционализм.

Уличная культура предлагает иерархию маскулинностей, на одном полюсе которой находится ролевая модель *dzveli bichi* как труднодостижимый идеал доминирующей и агрессивно гетеросексуальной маскулинности, а на другом – статус *kle*, ассоциирующийся прежде всего с гомосексуальностью. Актуальные для улицы изучаемого периода статусы или ролевые модели демонстрируют яркий параллелизм статусам тюремной воровской культуры. Можно констатировать и аналогии в процедурах, связанных с присвоением того или иного статуса. Описанные ролевые модели можно классифицировать через ассоциирующийся с ними уровень насилия: от активного насилия – к минимальному достаточному и виктимизации. Через статус *dzveli bichi* улица с ранних лет предлагала мальчику перспективу жизненного пути, на который он мог вступить уже в детстве, чтобы продолжать поступательно двигаться к цели, минуя в ее достижении предписанные обществом институты. Те же, кто не выбирал этот вариант ранней альтернативной карьеры, тем не менее, оказывались перед лицом неизбежного участия в уличной иерархии.

Параграф 2.3 посвящён внутренней структуре бирж и организации их взаимодействия в рамках городского квартала. В сообщество квартала входят биржи, образованные, во-первых, по локальному, а во-вторых, по возрастному принципу. Их число зависит, с одной стороны, от размеров и особенностей ландшафта убани, с другой – определяется его демографическим портретом. В идеальном случае поколенческой преемственности мальчик, выходя на биржу, строит свои социальные связи не с нуля, а отталкиваясь от связей, уже наработанных поколением своих родителей.

²⁶ *Dzvelbichoba* – сумма качеств и образ жизни *dzveli bichi*, носителя самого высокого уличного статуса.

Старшие биржевики передают младшим уличный опыт, и, прежде всего, свои наработанные социальные связи на биржах вне квартала. Отношения «старший-младший» престижны и служат повышению репутации их участников.

Сбор и хранение убанского общака, который должен был передаваться вору – практика, которая с наибольшей очевидностью демонстрирует наложение структур воровского мира и квартальных сообществ. Общак контролировался квартальным смотрящим, чья позиция должна была подтверждаться воров в законе. Квартальный смотрящий – единственная позиция формализованного лидерства в квартальных сообществах. Лидерство в них определялось отношением других членов группы, личными качествами, статусом и репутацией индивида.

Конфликты в уличной среде в долгосрочной перспективе вели к поддержанию и укреплению социальных связей в соседском сообществе. Столкновения за пределами убани конструировали внешние связи. Наиболее плотную сеть связей создавали высоко-статусные биржевики *dzveli bichebi*, которые, упрочивая и обороняя свой статус, участвовали в большем числе конфликтов.

В параграфе 2.4 анализируется конструирование родства и инцеста в рамках отношений уличной дружбы *dzmakatsoba*, для чего в качестве отправной точки берется уличное табу на романтические отношения с сестрой друга – *dzmakatsi* (друг, кореш). На улице это табу возводят к известной в Грузии этнографической традиции побратимства, которая еще в 1980-е гг. фиксировалась как живая практика²⁷. Табу отражает устойчивую склонность к сохранению и заострению экзогамных запретов, актуальную, в том числе, и для современной грузинской культуры. Табу сестры *dzmakatsi* – инструмент и следствие конструирования искусственного родства (братства) между уличными друзьями как логически вытекающая из него идея инцеста. *Dzmakatsoba* дискурсивно конструируется через идею разделения друзьями домашнего пространства, пищи, одежды, а идея инцеста – через «святость» семьи *dzmakatsi*, уподобление ее храму. *Dzmakatsoba* отражает стремление к созданию внутри выведенной из пространства семьи уличной структуры связей альянса на основе родства, поскольку в грузинской культуре именно родство гарантирует максимальный уровень обязательств и доверия.

В параграфе 2.5 рассматриваются способы манипулирования репутацией и формулируется механизм репутационной поруки, который определяется как «правило общей репутации». Социализация подростков в уличном сообществе подразумевает непрерывное самоутверждение – борьбу за *sakheli* (буквально «имя») или репутацию. Уличная репутация измеряется числом высокостатусных рекоммендателей, поиск посредника-рекоммендателя является важнейшим способом урегулирования конфликтов на грузинской улице.

Ценность имени и постоянные опасения за него обуславливают крайнюю чувствительность к любой, даже мнимой угрозе; эта чувствительность тем острее, чем выше человек поднимается по лестнице престижа. Наличие в арсенале уличных процедур опции «порчи» или «позора», близкого по функции к тюремному опущению, позволяет сделать репутационный крах однозначным и очевидным для всего сообщества. Уличные биржи представляют основную сцену, где фиксируются и становятся общим достоянием репутационные завоевания и потери. Именно в репутационном самопродвижении состоит смысл участия в уличной жизни, поле для него предоставляют квартальные биржи. Рискованные и дерзкие поступки, нестандартные, эффектные жесты, демонстрация щедрости – необходимый для построения репутации в сообществе набор инструментов.

Для понимания специфики внутриубанских и межубанских отношений решающее значение имеет правило, определяемое как принцип общей репутации²⁸. Оно предполагает, что ущерб репутации, нанесенный любому члену группы, приравнивается к оскорб-

²⁷ Dragadze T. A. Case Study in Ratcha Province. London: Routledge, 2001.

²⁸ Ср., напр., Tirole, J. A. Theory of Collective Reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality). The Review of Economic Studies. Vol. 63. No. 1, 1996. P. 1–22.

лению всей группы и каждого из ее членов, и наоборот. Согласно этому принципу честь и репутация индивида находится в прямой зависимости от репутации членов родственных, соседских, дружеских групп, к которым индивид принадлежит, а также от коллективной репутации этих групп как общностей.

В параграфе 2.6 феномен *dzmakatsoba* анализируется как особый случай репутационных отношений. *Dzmkatsoba* - формализованная и регламентированная уличная дружба, основополагающий принцип которой составляет правило общей репутации. В пространстве улицы дружба не принадлежит сугубо частной жизни, она является предметом контроля всего уличного коллектива, к которому принадлежат участники этих отношений. Если дружба обычно строится на обмене – материальном или символическом, то на грузинской улице друзья-*dzmakatsebi* обмениваются, прежде всего, ресурсами репутации и насилия. С годами и опытом происходит этическое переосмысление продиктованных кодексом регламентаций дружбы, молодой человек движется по пути снижения ее формализации к «этической» дружбе.

Параграф 2.7 посвящён практике ставок на уличном тотализаторе и ее репутационным аспектам. В параграфе демонстрируется, что сам характер организации этой практики обуславливает ее значение репутационного вызова. Уличный тотализатор получает особую важность именно в эпоху антиворовской кампании М. Саакашвили, когда пребывание на улице уже не могло рассматриваться как достаточно «серьезное» занятие: улица больше не сулила привлекательных карьерных перспектив, а большая часть рискованных практик, с помощью которых зарабатывались репутационные очки, теперь влекла за собой предписанные законом последствия. В этих условиях участие в мужской игре чести — уличных ставках — становилось для биржевиков чуть ли не единственным способом проявить себя, совершить поступок. Однако вскоре под пристальное внимание государства попала и эта практика, что, вместе с постепенным расширением набора одобряемых обществом этических альтернатив «понятиям», привело к потере ею своего значения репутационного генератора.

В параграфе 2.8 раскрывается значение улицы как обязательного биографического этапа. Улица – нормальный биографический этап, преимущественно одобряемый обществом, но чрезмерное погружение в уличную жизнь воспринимается как маргинальная жизненная стратегия.

Вовлеченность в уличную жизнь уменьшается с появлением интересов, занятий, а главное – карьерных перспектив, не связанных с локальным сообществом. Если уличный опыт был успешен, к этому времени молодой человек успевает построить разветвленную социальную сеть, на которую он опирался в уличной среде и которая останется немаловажным ресурсом в его жизненной карьере вне уличного контекста. Известные всем в Грузии примеры выдающихся политических и предпринимательских карьер бывших уличных лидеров не оставляют сомнений, что улица обладает функциями социального лифта. Полевые данные свидетельствуют о том, что, несмотря на присутствующие в обществе противоречия в оценке улицы как этапа взросления, она и в 2000-е гг. смогла сохранить свое значение важного биографического этапа и социализирующего института.

Третья глава «Уличный кодекс и уличные посредники» посвящена прагматике уличного кодекса и строящимся на нем практикам.

В параграфе 3.1 рассматривается проблема взаимосвязи воровского мира и уличного кодекса, а также опирающаяся на моральную силу кодекса практика уличной медиации. Уличные «понятия» возводятся носителями культуры к воровскому кодексу и в своем узком значении (как система неформальных правил) имеют с ним общие черты. «Понятия» использовались представителями воровского мира как инструмент управления улицей, моральная сила кодекса и вера в «воровскую справедливость» упрочивали друг друга.

Кодекс являлся инструментом утверждения и мерил репутационного капитала, выступавшего гарантом в практике уличной медиации. Апеллирование к кодексу позво-

ляло представить решение медиаторов как справедливое и исчерпывающее конфликт. Опиравшееся на кодекс уличное правосудие вплоть до последнего времени оказывалось более эффективным и общественно одобряемым, чем государственное.

В параграфе 3.2 рассматриваются метаправила, определяющие прагматику уличного кодекса. Кодекс понимается как неструктурированный набор неформальных и неписанных правил, т.е. норм, которые переутверждаются в ходе их применения, а также методов и приемов применения этих правил. В разделе приводятся примеры норм кодекса и рассматривается их использование в рамках конкретных взаимодействий. Кодекс возводят к единой «воровской правде», но признают, что «понятия», действующие на улице, изменчивы. Изменения происходят в пределах реальных коммуникативных общностей — городских кварталов. Благодаря наличию соответствующих процедур и условий, кодекс позволяет легитимировать присвоение статусов, принятие правовых решений. Кодекс — одновременно интерпретативное и предписывающее средство, но его предписания используются стратегически. К нему обращаются как для оправдания действий, так и для побуждения к соответствующим действиям, он определяет общее правовое поле и терминологию диспутов, формируя, таким образом, социальную реальность.

В четвертой главе «Улица как часть правовой и политической жизни Грузии» рассматривается место улицы в правовом поле и политической жизни Грузии.

Параграф 4.1 посвящен обусловленным уличными ценностями особенностям правосознания носителей современной городской грузинской культуры. На момент старта политических преобразований эпохи М. Саакашвили улица выступала как конкурент государства, предлагая альтернативные механизмы управления, регуляции и контроля. Распространенные на улице представления подразумевали негативную оценку государственных институтов правопорядка, государству отказывалось в доверии и справедливости. Особенности правосознания носителей грузинской уличной культуры в значительной мере определяются характерными для нее представлениями о мужественности, мужской доблести и чести. Сотрудничество с государственными институтами правопорядка, в частности, сообщение информации трактовалось в уличной культуре как донос и оценивалось как тягчайший урон репутации информирующего.

Параграф 4.2 раскрывает, каким образом осуществляется связь между политической элитой и улицей, какую роль в политической мобилизации молодежи играет улица и уличные лидеры, уличные сети. Государству приходится принимать во внимание улицу как возможный инструмент в руках политических сил. В 2000-е гг. улица была задействована, как минимум, в двух типах политических событий — в ходе проведения выборов и организации массовых политических выступлений. Эффективное использование улицы в организации этих событий становится возможным благодаря социальному капиталу участников уличных сетей, приобретаемому, в том числе, благодаря их включенности в квартальное соседское сообщество, и позволяющему им мобилизовать значительные человеческие ресурсы. Солидарность, возникающая на базе локального патриотизма, может в критические моменты преобладать над другими типами солидарностей, что определяет ее значение при использовании в политтехнологиях. Агрессивные практики маскулинности, присущие культуре квартальных сообществ, делают потенциально возможным создание на базе этих сообществ боевых единиц²⁹. Установлению контактов между политическими силами и улицей и эффективному их взаимодействию способствует наличие «уличного» опыта у деятелей современной политической арены.

В параграфе 4.3 представлена рефлексия участников улицы по поводу происходящих на ней в результате реформаторских усилий государства перемен. На момент начала кампании по борьбе с преступностью авторитет воров был уже сильно подорван, и обнаружение дискредитирующих материалов мало для кого стало сенсацией. Еще с на-

²⁹ Ср. Ботяков Ю.М. Проявления системы организации абхазского сельского сообщества в условиях современного города (на примере Сухума) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 229-230.

чалом Перестройки (середина 1980-х гг.) наиболее сильная часть воров покинула Грузию, а оставшиеся существенно потеряли позиции в конкуренции с новыми силами, не признававшими их авторитет и воровской кодекс и тоже претендовавшими на сферы влияния. В грузинском обществе политика «нулевой толерантности» воспринималась как неоправданно жестокая, особенно в той ее части, которая касалась молодых людей, школьного контроля и тюремных сроков за незначительные нарушения. Первые годы реформ на улице часто квалифицируются как «террор». Политическое давление, неминуемость сроков за привычные и безопасные еще недавно действия, по сути, изгнание бирж из публичного пространства – все это стало причиной поселившегося на улице чувства страха. Стало понятно, что полиция, впервые за долгое время, стала сильнее улицы.

Бывшие уличные авторитеты были вынуждены идти на политическое сотрудничество с властями, взамен чего они получали возможность, используя свои связи и влияние, строить уже внеуличную карьеру. Уличные идеалы стали терять значимость. Улица больше не предоставляла привлекательных карьерных возможностей, вложение сил в уличный статус перестало быть оправданным.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

В грузинском городском обществе улица воспринималась как обязательный биографический этап, без прохождения которого невозможно нормальное становление мужчины, однако этот этап должен был быть ограничен во времени, заканчиваясь созданием семьи и построением карьеры вне локального сообщества. Криминальная карьера, хотя и могла восприниматься как престижный биографический сценарий, разумеется, все-таки представляла экстремальный, исключительный жизненный выбор.

Вслед за М.С. Янковским³⁰ можно констатировать, что уличные группы, в данном случае тбилисские биржи, являются не следствием социальной дезорганизации, а наоборот – скорее коррелируют с высокой плотностью связей в соседских сообществах. Однако последняя не является обязательным условием существования локальных уличных групп, их феномен определяется конкретными историко-культурными обстоятельствами.

Структура тбилисских бирж определяется как возрастной, так и статусной иерархией. При этом в структуре уличных сообществ не выделяются формализованные лидеры, кроме тех, чьи позиции требуют подтверждения представителями воровского мира.

Еще одно измерение организации уличных сообществ представляют узы искусственного родства, ярче всего проявляющие себя в построенных на тождестве репутаций отношениях уличной ритаулизированной дружбы.

Биржи представляют собой арену социального самопродвижения, и уличная жизнь отмечена постоянной, жесткой репутационной борьбой. Основной механизм формирования и функционирования солидарностей на улице – это принцип общей репутации, который не только мобилизует в поддержку своих, но и побуждает контролировать их репутацию.

Успех уличного этапа жизни тбилисца определяется шириной социальной сети, в которой он пользуется положительной репутацией. Наибольшего успеха в конструировании социальной сети достигают обладатели высокого уличного статуса.

Уличная идентичность в Грузии строится, прежде всего, на самоидентификации с «уличными понятиями». Они демонстрируют очевидную связь с воровским кодексом, действовавшим в советских и постсоветских тюрьмах, но не совпадают с ним. Уличный кодекс представляет собой набор неформальных и неписаных правил, которые находятся в процессе постоянного переутверждения. «Понятия» — динамичная система, они прецедентны и изменчивы. Развитие уличного кодекса происходит, прежде всего, в пределах реальных коммуникативных общностей – в соседских сообществах.

Улица в Грузии не являлась частью воровского мира, но, безусловно, была связана с ним правовым, экономическим и этическим образом. Воровской арбитраж не останав-

³⁰ Jankowski, M.S. *Islands in the Street: Gangs and American Urban Society*. Berkeley, CA, 1991. P. 210-211.

ливал уличное насилие, но обладал достаточной легитимностью, чтобы определить его необходимую меру и конечную точку, тем самым предотвращая эскалацию уличных конфликтов.

До воплощения в жизнь реформаторских инициатив эпохи, следующей за «Революцией роз», улица составляла конкуренцию государству, так как претендовала на регулиющую и контролирующую роль в тех же сферах, где эти функции стремились выполнять официальные институты. Уличные представления о мужественности, достойном поведении определили особенности правосознания широких слоев населения Тбилиси.

В рассматриваемую эпоху уличные биржи вовлекаются в политические события двух типов — в проведение выборов и в организацию массовых политических выступлений. Благодаря своей высокой репутации в широких социальных сетях уличные лидеры могут мобилизовать в свою поддержку значительные массы, что не могло не привлекать политических деятелей.

К началу осуществления политики «нулевой толерантности» правительством М. Саакашвили улица уже имела опыт оспаривания воровского авторитета, и он в значительной мере был подорван. В грузинском обществе кампания против организованной преступности была воспринята как излишне жестокая, особенно в той части, которая касалась улицы и молодежи. На улице первые годы реформ часто определяют как террор, в результате которого на городских биржах поселился страх перед государством.

Улица перестала быть возможным источником экономических выгод, она больше не сулила привлекательной жизненной карьеры, и многие молодые люди уже не видели смысла во вложении сил в уличные статусы. Однако уличный кодекс, тем не менее, продолжал оставаться мерилom мужской доблести и этическим идеалом, хотя с ним все больше конкурировали другие ценности – религиозные и патриотические. Несмотря на потерю улицей карьерной функции, она и в рассматриваемый период сохраняла значение важного биографического этапа и социализирующего института.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

В рецензируемых изданиях, включенных в список ВАК РФ:

1. Захарова Е.Ю. Черный мацони: прагматика тбилисского уличного кодекса // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 25-62.
2. Захарова Е.Ю. Дружба и родство в кварталах Тбилиси: императивы и практики // Этнографическое обозрение. 2015. №5. С. 100-116.
3. Захарова Е.Ю. К вопросу о методологии полевых исследований в этнографии городских сообществ // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. ГОУ ВПО «Орловский государственный университет». 2015. №12. С. 402-406.

В других изданиях:

1. Zakharova, E. Black mats'oni: the pragmatics of the Tbilisi street code. Forum for Anthropology and Culture. 2017. No. 13 (в печати).
2. Stephenson, S. and Zakharova, E. Criminal networks, youth street groups and illicit territorial regulation in Moscow and Tbilisi // Corrupt Places: The Illicit and Illegal in the Development and Governance of Cities and Regions: Corrupt Places. Edited by Chiodelli F., Hall T. and Hudson R. Abingdon: Routledge, 2017. P. 74-93.
3. Захарова Е.Ю. Игры чести: уличные ставки в пореформенном Тбилиси // Experto crede Alberto. Сборник статей к 70-летию Альберта Кашфуллоевича Байбурина. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2017. С. 163-177.
4. Zakharova E. The Tbilisi 'street' as a legal and political phenomenon in Georgia // State and Legal Practice in the Caucasus. Anthropological Perspectives on Law and Politics. Edited by Voell S., Kaliszewska I. Ashgate, 2015. P. 69-82.
5. Узунова В.Г., Захарова Е.Ю. Полевые исследования: вдоль по улицам Тбилиси и Санкт-Петербурга // Этнографы и социологи о проблемах молодежного экстремизма. Рекомендации для принятия практических мер по снижению рекрутирова-

- ния молодежи в неформальные молодежные объединения экстремистской направленности. СПб.: ООО «Свое издательство», 2014.
6. Захарова Е.Ю. Тбилисская улица как явление правовой и политической жизни Грузии // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С.130-149.
 7. Захарова Е.Ю. Тбилисская улица как среда мужской социализации // *Laboratorium. Журнал социальных исследований. Южный Кавказ. Новые исследования.* СПб., 2010, № 2. С. 182-204.
 8. Захарова Е.Ю. Некоторые аспекты правосознания носителей городской уличной культуры (на примере Тбилиси) // *Фронтир. М.: Центр социально-экономических исследований регионов. RAMCOM, декабрь 2010.*
 9. Захарова Е.Ю. Квартал и мужские соседские сообщества в Тбилиси (вторая половина 70-х – конец 90-х гг. XX в.) // *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г.* СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 166-173.
Опубликованные тезисы докладов:
 1. Захарова Е.Ю. Некоторые аспекты правосознания носителей грузинской городской уличной культуры // *Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-кавказских чтений 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология.* СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 398-402.
 2. Zakharova E. «Present-day customary law in urban Georgia and the response of the state (using the example of Tbilisi)». *Crisis and Imagination. EASA 11th Biental conference 2010. Conference programme and book of abstracts. Maynooth. P.473.*
 3. Захарова Е.Ю. Тбилисская улица как фактор мужской социализации // *Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008-2009 гг. Этнология, история, археология, культурология.* СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 458-461.